

К вопросу о мультикультуральных отношениях в древнерусском обществе Асадов З. В.

*Асадов Захир Вахид оглу / Asadov Zahir Vahid oglu - кандидат филологических наук, доцент,
кафедра общего и русского языкознания,
Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджанская Республика*

Аннотация: в статье впервые на материалах древнерусских летописей исследуются мультикультуральные отношения в древнерусском обществе в связи с постепенной нейтрализацией оппозиции «свои – чужие» и появлением новой социальной категории «свои чужие». Выявляются основные причины нейтрализации контрастности и развития мультикультуральных отношений как результат ко-линейного развития древнерусского общества.

Ключевые слова: мультикультуральные отношения, ко-линейность общества, «свои поганые», образ «чужого», древнерусские летописи.

УДК 81-112:394.012

Принцип мультикультурализма давно практикуется учеными для объяснения концепций развития истории и общества. Сегодня некоторые вообще отказались от этого принципа, видя в нем непрогрессивное зерно и неоправданность его некоторых постулатов (хотя, например, в Азербайджане этот принцип получил государственную поддержку). В контексте бинарных отношений «свои» и «чужие» мультикультурализм приобретает более четко выраженную окраску [см. 1]. В данной статье по отношению к древнерусскому обществу под мультикультуральными отношениями мы понимаем сосуществование культур, толерантное отношение к «чужим», а также ко-линейное развитие общества, в котором социальные отношения между «своими» и «чужими» строились не по иерархической модели, а на основе патерналистских отношений, т.е. на отношениях, «смягчающих» конфликт между «своими» и «чужими». Рассмотрим некоторые детали.

Как известно, первые письменные сведения о «чужих» Русь узнала благодаря византийским и греко-римским текстам, а также библейским мифам. Сведения о «чужих» Русь получала также на основе собственного опыта: Древняя Русь на протяжении веков соседствовала с народами различной этнокультуры, среди которых были и тюркоязычные племена, о которых она знала не понаслышке. Сильное влияние религиозных догм и византийских первоучителей, с одной стороны, и языческих представлений мифического характера, с другой, привели к тому, что к «чужим» относились очень настороженно. Ср., например, характеристику соседних с русами славянских племен Нестором: «...а Древлане живаху звѣриньскимъ вбразомъ. Жиоуще скотьски. Оубиваху другъ друга. ядаху вса нечисто. и брака оу нихъ не бѣваше. но оумъкиваху оу воды двѣд. ...и Радимичи и Ватичи. и Стверь. вдинъ вбычаи имаху. живаху в лѣсть. якоже [и] всакии звѣрь. ядуще все нечисто [и] срамословѣ в нихъ предъ втѣци. и предъ. снохами. [и] браци не бѣваху въ них. и игрища межю селы. схожахуса. на игрища на пласань. и на вса бѣсовская игрища. и ту оумъкаху жены собѣ. с неюже кто съвѣщаеша. имаху же по двѣ и по три жены. [и] аще кто оумраше твораху трѣзно надъ нимъ» [5, с. 10]. К «чужим» из дальних стран Русь также относится настороженно, видя в их обычаях и нравах зверство и неприязнь. Так, халден, вавилоны, британцы, гилийцы, индийцы и др. «заморския народы» «...мѣри поимати. съ братними чады блудъ дѣяти и оубивати... и ...сквернотвораще. [и] гнѣвливи и паче естѣства. ли нутрънишимъ странъ ихъ члѣкъ ядуще и страньствующихъ оубиваху. паче же ядять яко пси...» [5, с. 11-12].

Обыденные представления русских под влиянием учения «отцов церкви» и языческих догм о тюрках, как о «чужих», так же санкционировали «право на не-сближение» с ними: «Якоже се и нынѣ при насъ половци законъ дѣржать отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящеса о семь, и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомякы и сусолы, и поимають мачехы своя и ятрови, и ины обычая отецъ своихъ» [5, с. 12]. Противопоставляя тюркским «обычаям» свои традиции, летописец создавал резкую грань между «своими» и «чужими»: «Но мы же, християне, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицю, и въ едино крещение, и въ едину вѣру, законъ имамъ одинъ, елико в Христа крѣстихомься и въ Христа облекохомся...» (там же). «Русская правда» прямо ставила запрет на близкие отношения с тюрками. Ср. статьи из «Устава князя Ярослава по Пространной редакции Русской Правды» («из списка Основного извода I пол. XVI в.»): «Аще жидовин или бесерменин будетъ с рускою, на иноязычницех митрополиту 50 гривен, а рускую поняти в дом церковный» [6, с. 190]; «Аще кто что поганое съясть по своей воли, или кобылину или ино что отреченое, митрополиту в вине и в казни» [6, с. 192]. Даже блуд с турчанкой карался очень строго: «Аще кто с бесерменкою или с жидовкою блуд створить, а не лишиться церкви отлучиться и христѣян, а митрополиту 12 гривен» [там же].

В Древней Руси о других верах приличному человеку не следовало отзываться благородно. В «Поучении» Феодосия Печерского отмечается, что автор наставляет князя Изяслава в духе неприязни к

чужим верам: «*Не подобаает же хвалити чюже веры. Аще ли хвалитъ кто чюжюю веру, то обретається свою веру хуля. Аще ли начьнетъ непрестанно хвалити и свою и чюжюю, то обретається таковыи двоверье держа, и близъ есть ереси. Ты же, чадо, такихъ деяний блюдися, ни присвоися к нимъ, якоже можеши, и свою веру едину непрестанно хвали, подвизаяся въ ней добрыми делы*» [5, с. 292]. С приходом монголо-татар, характеристика тюркоязычных племен приобретает религиозно-этнофолистическую окраску: все тюркские племена однозначно описываются как «поганья измаильтяне», «проклятыя агаряне», «оканьныи срацины» (ср.: «Тъмже наведе Бѣ поганья измаильтяне» [5, с. 121] и др.). В подобных сообщениях можно наметить сильное смешение реальности с мифом: чем более далеким и неведомым был народ, тем больше о нем создавался миф, тем глубже легенды о нем входили в обыденную жизнь русинов.

Постепенное устранение мотивов неприязни к тюркским народам в результате ко-линейного развития древнерусского общества привело к появлению первых мультикультуральных отношений в древнерусском социуме и постепенной нейтрализации контрастности в оппозиции «свои» и «чужие» и, как результат, появления новой социально-психологической категории «свои чужие» (в древнерусском понимании «свои поганые»). Иначе говоря, с появлением социальной категории «свои поганые» появились первые зерна мультикультуральных отношений в древнерусском обществе.

Каковы же были основные причины подобных изменений в обществе? Причин тому несколько. Рассмотрим некоторые из них в деталях.

1. Брачная дипломатия. Известная в истории многих народов, брачная дипломатия на Руси нередко выступала эффективным методом налаживания мирных отношений с «чужими». Ср. сведения о первых браках русских князей с тюркскими женщинами: «*В лѣтѣ .ѣ хъ в. [6602 (1094)] Сотвори миръ Стѣполкъ с Половци. и поя собѣ жену дщерь Тугорканю. кнѣз Полѣвцагѣд*» [5, с. 158]. Ср. также: браки киевского князя Владимира Мономаха с половчанкой Ефимией (1126 г.); новгородского князя Юрия Даниловича с Кончакой (1317 г.); черниговского князя Олега Святославича с дочерью половецкого хана Осолука (XII в.); переяславского князя Андрея Доброго с дочерью половецкого хана Тугоркана (1117 г.); галицкого князя Владимира Игоревича с половецкой княжной Свободой Кончаковной (XI в.) и др. Как писал Н. С. Борисов, «поскреби русского – и найдешь татарина...» [2, с. 291]. Не случайно, еще в XVII в. «17 процентов русских дворянских фамилий были происхождения татарского и вообще восточного» [цит. по: 2, с. 290].

2. Военный союз с «чужими». Факты участия половцев в союзе с русскими против общего врага, а также участие половцев в княжеских раздорах за сферу влияния русскими землями зафиксированы почти всеми древнерусскими летописями. Ср.: «*...приведе Сдлэгъ и Борисъ. поганья на Русьскую землю. и поидоста на Всеволода с Половци. Всеволодъ же изиде противу има...*» [5, с. 140]; «*...Мономахъ с Половци иде на Сддрьскъ воюя та Чернигову. и пакы и-Смолинська*» [5, с. 159] и мн. др.

3. Толерантное отношение к пленным. Как известно, будучи по тем или иным причинам (получение ярлыков на княжение, уплата налогов, как гости или же по приказу самих каганов) в стане кагана, русские князья иногда подвергались ограблениям или же избияниям вплоть до смерти. Однако были случаи, когда чан отпуская пленных князей, браня своих полководцев о плохом обращении с ними. Ср.: когда хан Андар во время завоевания Литвы полонил князя Григория Протасьева и отвез его в стан кагана Мехмета, но тот «*поругавъ Андара и не похвали его о томъ, и почтивъ Григория, отпусти его*» [7, с. 364].

Ордынский хан наряду с ярлыком на княжение, мог преподнести русским князьям дорогие подарки. Подобной щедрости удивлялись и сами жители Руси, о чем говорит Троицкая летопись. Ср.: «*Тое же осени (6900) месяца октября в 24 день приде из Орды от царя Тактамыша великий князь Василей, многу честь от царя прием и дары, еще же придаст ему к великому княжению и Новгород Нижний и Городец со всеми что ни есть в власти их, тако же Мещеру и Торусу. Толику же честь прия от царя, яко же ни един от прежних великих князей не прият, тако ни от которого царя. Сице удиви господь милость свою на нем, и бысть тогда радость велика в Рустей земли*» [5, с. 143].

4. Принцип «разделяй и властвуй». «Распад Золотой Орды, начавшийся после кончины хана Джанибека в 1357 г. и принявший необратимый характер во второй четверти XV в., позволил русским князьям вернуться к политике, принятой еще в домонгольские времена. Суть ее состояла в использовании одних кочевников против других» [2, с. 288]. Ярким примером служит использование на княжеской службе касимовских татар, потомков татарского хана Касима, которого в свое время приютил и дал земельное владение Василий Тёмный. Ср.: «*Приехал служити к великому князю царевич Муртоза, сын казанского царя Мустофы, и дал ему князь великий Новгородок на Оце съ многими волостями*» [5, с. 279]. Известно, что «свои поганые» были даже личной охраной князя Ивана III. Вспомним также житийное сообщение о смерти в стане татарского хана русского князя Михаила Тверского, у которого на службе было немало самих татар. И. И. Назаров отмечает, что великий князь московский Василий III выделили собственный удел брату казанского хана Мухаммед-Эмина царевичу Куйдакуле (в крещении – Пётр), женив его на своей сестре Евдокии. «Полагают, что в случае своей кончины не имевший тогда

детей Василий предполагал завещать престол не кому-то из родных братьев, а именно царевичу Петру» [4, с. 99-100].

5. Веротерпимость. Факты благородного отношения ордынских ханов к православной вере, к различиям в вероисповедании покоренных им народов, постепенно изменили религиозное мировоззрение древних руссов. Древнерусские летописи отчетливо фиксируют факты строительства церквей по распоряжению тюркских ханов. Так, когда великий князь Василий в 1404 г. ехал на Мордву через татарские земли, они остановились на месте, «*нарицаемем Цибирица, у святого Николы, поставилъ бо бяхе церковь ту бесерменин Хази-баба*» [7, с. 152]. Кроме известных указаний в Великой Ясе Чингисхана о веротерпимости к покоренным народам, в летописях есть сведения о том, что гостями ханов бывали не только отдельные князья для получения ярлыков на княжение, но и русские митрополиты и архиепископы: «*(6841) Того ж(е) лыта митрополитъ Феогнасть приыха в Рус(ь) на Москву, был во Ц(а)рыграде, и в Орде...*» [5, с. 111]; «*На ту ж(е) зиму (6865) быс(ть) в Орды Алексии митрополитъ...*» [5, с. 120].

6. Принятие «чужой» веры. Факты крещения «чужих» история Древней Руси знает немало. Ярким примером этому является отрывок из Троицкой летописи, где говорится о принятии на русскую службу трех крещеных татар, служителей хана Тохтамыша: «*Тогъ же осени приехаша на Москву 3 татарина ко князю великому в ряд рядишася и биша ему челом, хотящее ему служити, иже беша почестни и знакомити двора царьва, и въсхотеша креститися... Киприан митрополит приим я ... и собрася мало не весь град, и снидоша на реку Москву... и ту на реце Москве сам митрополит крести я. Беша же им по древнему по татарски имена Бахты хозя, Хидырь хозя, Мамат хозя, и наречени быша Онания, Озарья, Мисаил, и бысть радость велика въ граде Москве...*» [5, с. 443]. Крещение трех татар выглядело как чудо: «*собрася множ(е)ство народа, аки на дивное чудо*» [5, с. 444]. Крещеные тюрки, т.е. «свои поганые» «...под покровом новой веры могли хранить свои традиции, обряды и даже прежнее положение» [3, с. 25]. Невероятно, но о крещении татар «били челом» царю сами простые люди: «*и вси вѣрнии ч(е)л(о)в(е)ци, слышавшеи и видѣвше, прославшиа Б(о)га, бл(а)годаряще и гл(а)голюще: «Обрати поганыя во кр(е)стьянство, да и ти будутъ братия наша, приемше с(вя)тое крещение, и будутъ едино стадо, един пастыр(ь)»*» [5, с. 253-254].

7. Нейтрализация языкового барьера. Чем дольше язык «чужих» оставался неведомым, тем труднее было сближение с ними. Когда «свои чужие» начали уживаться в древнерусском обществе, появились первые переводчики, знавшие язык степняков. Лаврентьевская летопись, например, о жителях Твери отзывается как о людях, знавших язык тюрков-кочевников: «*Тиверци. яже соут толковины половецкия языци*» [5, с. 21]. Язык степняков знали и московские князья. Судя по источникам (переписка царя Ивана III с крымским ханом Менгли-Гиреем), царь Иван III понимал «по-татарски». При дворе именно царя Ивана III находился «татарский двор» – палац для ордынских ханов, купцов и торговцев. Заметки о своих путешествиях на тюркском языке писал также Афанасий Никитин.

Указанные факторы последовательно привели к тому, что произошла постепенная идентификация «своих» и «своих поганых», которая протекала все еще на фоне борьбы и взаимоотношений (брачные и социально-политические отношения, торговые и экономические связи) Древней Руси с кочевыми тюрками. Невероятно, но, когда у московского царя Василия Ивановича родился сын, в то время, когда власть тюрков над Русью намного ослабла, князь отправляет гонца к казанскому хану Сафа-Гирею известить его об этом: «*Того же времени 7092 (т.е. в 1586 г.) послалъ князь Василей Иванович всеа Руси в Казань гонца своево Михайла Сумбулова обвестити рождение сына своего великого князя Ивана к царю казанскому к Сафа-Кирею. И царь Михаила пожаловал великим жалованьем и пустилъ его к царице своей*» [5, с. 194].

После ослабления влияния чингизидов развитие древнерусского общества протекало уже отчетливо ко-линейно: в «поганных тюрках» начали видеть прогрессивное зерно и постепенно их стали воспринимать как «свои». Невероятно, но «своим поганым» русская письменная культура могла посвятить и письменные памятники. Так, племяннику монголо-татарского хана Берке, известному в Ростовском княжестве христианским именем Пётр, было посвящено «Повесть о Петре, царевиче Ордынском», свидетельствующая о закулисных сторонах отношений между «своими» и «чужими». Однако этнофолистская характеристика тюрков не совсем стерлась – их продолжали называть «своими погаными» вплоть до начала XVII в.

Наше исследование показало, что византийские и греко-римские переводные книги, а также древнейшие, языческие, родовые нравы «отцов и дедов» сильно влияли на общественное сознание Древней Руси и мешали ко-линейному развитию древнерусского общества. Потому в эпоху господства религиозных догм, с одной стороны, и языческих нравов, с другой, древнерусское общество по отношению к тюркским кочевым народам шло по пути линейного развития. Затем контуры линейной модели развития древнерусского общества приобрели отчетливый вид: частые набеги кочевых тюркских племен на Русь, активные военные конфликты, когда Русь была плацдармом борьбы тюркских племен, «поганым тюркам» склонны были приписывать резко отрицательные черты. Именно в этот период

появились первые этнофоллистские характеристики тюркоязычных племен. В последующие века появляются «свои поганые», выступающие наравне со «своими». С течением времени, «свои поганые» входят в древнерусское общество как полноправные граждане, принимают православную веру, владеют собственными земельными участками, постепенно становятся частью «своих», тем самым ускорив в древнерусском обществе процесс перехода от линейного отношения к мультикультуральным.

Литература

1. *Асадов З. В.* Бинарная оппозиция «свои – чужие» в аспекте ко-линейного развития древнерусского общества // АМЕА. Nəsimi adına Dilçilik İnstitutunun əsərləri. № 1, Bakı: Elm və təhsil, 2015. S. 37-45.
2. *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая гвардия, 2004. 530 с.
3. *Гречко П. К.* Концептуальные модели истории: Пособие для студентов. М.: Логос, 2005. 144 с.
4. *Назаров И. И.* Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности // Ученые записки Казанского гос. пед. инс-та. Вып. 15. Казань, 1958. С. 238-251.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Троицкая летопись. Изд. 2-е. Л.: АН СССР, 1926-1928. 630 с.
6. Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: ЮЛ, 1984. 480 с.
7. Суздальская летопись по Академическому списку. Изд. 2-е. Л.: АН СССР, 1928. 560 с.